

9.

СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Учб. № 1118

5/8-36



1936

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК

С

С

С

Р

Академия Наук СССР
и Народный Комиссариат Просвещения РСФСР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

№ 1



Издательство
Академии Наук · Москва · 1936 · Ленинград

Э. Г. Гафферберг

Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ

Приводимые в данной статье материалы собраны мною в 1928 и 1929 гг. у джемшидов и хезарэ, живущих на территории СССР.

Джемшиды и хезарэ — два многочисленных кочевых иранских племени, главная масса которых живет в Афганистане: джемшиды в северо-западной его части, в местности Бадгиз между рр. Герирудом и Мургабом, хезарэ — в центральном Афганистане, в горной стране Хазараджет, между Кабулом и Гератом и частично в Бадгизе. Часть джемшидов и хезарэ живет в Персии.¹

Главное занятие джемшидов и хезарэ — скотоводство. Они разводят мелкий рогатый скот, преимущественно, овец. Овцеводство шерстяное и каракулевое. Подсобным занятием является земледелие, которое более широкое развитие получило у джемшидов Чемени-Бида, живших там в 1927 г. и получивших наделы орошенной земли при проведении земельноводной реформы. Сеют хлопок, пшеницу, бахчевые культуры, люцерну. На основе скотоводства и хлопководства развиты домашние производства: из бараньей шерсти — кошм, мешков, мужских обмоток, веревок; из козьей — веревок, грубой ткани для шатров афганского типа; из козьего пуха — сукна „kurki“; из верблюжьей шерсти — женских зимних покрывал и мужских халатов; из хлопка — белой и цветной ткани — карбаса.

В указанные выше годы все заботы о стаде и стрижка овец лежали на мужчине, доение овец (рис. № 1) и приготовление молочных продуктов — на женщине.

В шерстяных производствах на долю мужчины приходилось катание и разминание кошм и кошменных изделий, женщины сортировали, взбивали, расчесывали и окрашивали шерсть, готовили кошму к катанию (рис. № 2), просушивали ее после него, пряли нитки и ткали шерстяные ткани. Женщина изготовляла также чек, камышевую циновку, которой окружается юрта (рис. № 3).

В земледелии обработка земли, посев и уборка урожая лежали на мужчине; женщина принимала участие лишь в сборе хлопка, пряла нитки и ткала карбас.

Мужчины собирали топливо и запасы колочки на зиму для верблюдов. Приготовление пищи (рис. № 4, 5), шитье одежды, носка воды лежали на женщине. Жилище устанавливалось женщинами и мужчинами совместно или только мужчинами.

Таким образом, в основных занятиях главный производительный труд лежал на мужчине, женщина была занята лишь домашним хозяйством, домашними производствами, воспитанием детей. Этим ограничивался узкий круг

¹ Более подробные сведения о численности и расселении джемшидов и хезарэ в СССР и за его пределами даны мною в статьях „Джемшиды“ и „Хезарэ“ в академическом Справочнике по народам СССР (находятся в печати).

ее деятельности. Ни в общественном производстве, ни в общественной жизни она участия не принимала, что создавало предпосылки для ее подчиненного, приниженного положения в семье. Она не имела прав в выборе мужа, не имела прав на основное имущество семьи, скот и хозяйственный инвентарь ни при жизни, ни после смерти мужа, получая по законам наследования лишь лично ей принадлежащие вещи, не имела, наконец, прав на своих детей, которые в случае развода, или если после смерти мужа она выходила замуж в другую семью, оставались в семье отца. После смерти мужа ее родственники-мужчины выступали наследниками лишь в самую последнюю очередь, если не было ни одного наследника со стороны мужа.

Отношение к родственникам мужа и жены находило отражение в пословице:

Kaume zan
Kalla bezan
Kaume şuj
Tej dig beşuj.
(Родственников жены
по черепу бей,
родственников мужа
в котле вымой.)

Kanteşkeni¹ (сговор)

В ряде обрядов, сопровождавших заключение брачного союза у джемшидов и хезарэ, первым являлся „kanteşkeni“. Обычно kanteşkeni совершался еще при детском возрасте жениха и невесты. Когда между родителями последних окончательно решался вопрос о их браке, звали родственников в дом невесты, отцы жениха и невесты обменивались платками, причем отец жениха на платок, передаваемый отцу невесты, клал деньги до 50 и больше рублей у самых богатых, у бедных — гораздо меньше. Богатые в этот день резали барана, менее состоятельные ограничивались только раздачей сахара и кишмиша. Угощение в этом случае ставил отец жениха. Напр., джемшид Курбанбай, святая дочь Мамад-Кадыра за своего сына и справляя по этому случаю „kanteşkeni“, свез к Мамад-Кадыру большого барана и 4 кг кишмиша. Привезенный маленькой невесте платок, большей частью шелковый, отец жениха или просто передавал отцу невесты или собственноручно повязывал им голову девочки. Обмен платками и раздача сахара являлись обязательными моментами на „kanteşkeni“. В старину разбивали голову сахара и куски раздавали присутствующим, отсюда и название этого обряда „kanteşkeni“ — „разбивание сахара“. В описываемое мною время просто раздавали колотый сахар, а в случае отсутствия последнего — кишмиш. После „kanteşkeni“ отец жениха ежегодно посылал подарки невесте: материю, платки. Из этих подарков набиралось частично приданое невесты, çihaz, которое она хранила в особом узле.

Kanteşkeni называли также „ruze ke dastmal mitia (день, в который дают платок).

Kanteşkeni могло быть отпраздновано и при зрелом возрасте жениха. Жениха, kanteşkeni которого отпраздновано, все встречавшие поздравляли словами: „fatae tû mubârak bâî“ (со сватовством твоим благословен будь).

Иногда сговор происходил еще раньше появления на свет невесты и даже жениха. Напр., два брата родных или двоюродных, или двое родственников, или два друга сговаривались, что если у одного будет дочь, а у другого сын, они их поженят. Потом выполняли этот договор. Или когда мальчик был еще маленький, отец его уговаривался с одним из родственников, что если у последнего будет дочь, он отдаст ее за его сына. В случае такого соглашения, как

¹ Буквально слово kanteşkeni значит по-русски — разбивание сахара.

только девочка рождалась, отец жениха приносил мальчика и разрывал над новорожденной подол его рубахи. Тогда дело считалось окончательно решенным.

Достигнув 13—14-летнего возраста, девушка начинала закрывать лицо от жениха. Она могла находиться в одном с ним помещении, но при входе его вставала (последний обычай уже в то время выполнялся не всегда) и закрывала лицо покрывалом. Если невеста видела издали, что жених ее идет навстречу, отходила в сторону и закрывала лицо. Жених же свободно мог подойти к ней, обнять, поцеловать насильно и это не только не вызывало осуждения, но сопровождалось всеобщим поощрением и смехом. С этого же возраста, приблизительно с 13—14 лет девушка переставала ходить в дом жениха. При свекре же она сидела свободно и разговаривала. Если он шутил с ней, иногда стеснялась и отворачивалась; если же была достаточно бойка, иногда отвечала на шутки.

При выборе жениха или невесты наиболее желательными избранниками являлись дети брата отца, потом сестры отца, затем уже брата и сестры матери. Далее, браку с неродственниками предпочитались другие браки между родственниками, напр., можно было жениться на двоюродной тетке, на двоюродной племяннице, на внучке брата или сестры, причем всегда предпочитались родственники отца, а потом уже, матери.

Не допускались браки между родными или молочными братьями и сестрами, между племянником и его родной теткой, между дядей и родной племянницей, между дедушкой и родной внучкой. Кроме того, нельзя было быть женатым одновременно на двух сестрах или на тетке и племяннице, но в случае смерти жены брак с ее сестрой или племянницей был очень желателен. Два брата свободно могли быть женаты на двух сестрах. Нельзя было ни в коем случае жениться на жене отца, ни в случае развода, ни в случае смерти последнего. В случае женитьбы на вдове дети последней от первого брака могли вступать в брак с детьми ее мужа от другой жены.

При женитьбе на девушке из другого рода, все же имелись определенные роды, которым другие определенные роды отдавали предпочтение. Напр., род *xaxbat* предпочтительно брал жен из родов *maududi* и *sāuzeki*.

Все это являлось желательным, но не обязательным, и джемшиды и хезарэ женились не только на девушках из любого рода, но даже другой национальности, напр., хезарейцы иногда женились на джемшидках, джемшиды на хезарейках и даже на белудджах.

Fatahūni

Приблизительно за год до свадьбы справлялось так называемое „*fatahūni*“, на котором происходил торг калыма.

Приготовления к *fatahūni* начинались за два-три дня до наступления самого праздника. Несколько верблюдов посылалось за топливом — гребенщиком, колючкой или, лучше всего, фисташковым деревом, если была возможность таковое раздобыть. Если дело происходило осенью, одного человека посылали за баранами в стадо, которое в это время года пасется далеко от аулов — возле колодцев. На одно *fatahūni* шло 10—15 баранов. Если жених и невеста были из разных аулов, *fatahūni* устраивалось в ауле невесты, но все угощение на *fatahūni* ставил отец жениха. Если в ауле несколько отцов должны были справиться *fatahūni* своих дочерей и тем более, если отцы женихов состояли между собой в каком-нибудь родстве, сговаривались справиться в один раз *fatahūni* двух или трех девушек, что значительно сокращало расходы.

Fatahūni начиналось с вечера и кончалось на другой день в полдень. Утром первого дня или накануне отец жениха и отец невесты, называемые в этом случае *tujdā'ami*, т. е. хозяевами праздника, посылали кого-либо из родственников звать гостей из других аулов.

Иногда для приглашения наиболее почетных гостей они ехали сами. Женщин обходили родственники невесты, сестры, тетки.

Около полудня в ауле, где происходило фатахуни, собирались женщины для печения хлеба, это называлось „nāprazi“. На „nāprazi“ собирались женщины-родственники туйдоров также и из других аулов. Если жених был из другого аула, мать, сестры и другие родственники жениха также приходили на „nāprazi“.

Когда печение хлеба кончалось, все женщины, принимавшие в нем участие, расходились по домам для переодевания в праздничные платья. Родственники, пришедшие из других аулов, возвращались обратно домой, чтобы раздеться для туя.



Рис. 1. Доение овец.

Родственники и ближайшие знакомые, главным образом женщины, съезжались на фатахуни с вечера. Родителей жениха и невесты, и живущих с последними старших родственников поздравляли словами:

Mubārak başi käre xejre tū.
(Благословен будь, дело твое хорошее.)
Mubārak başid käre xejre şumā.
(Благословенны будьте, дело ваше хорошее.)

Последнюю форму можно встретить у наиболее бывалых, относительно „образованных“ джемшидов.

Отправлялись на фатахуни женщины и мужчины отдельно. Мужчины из других аулов, даже родственники, обычно приезжали верхом лишь на утро. Женщины же собирались с вечера (приходили пешком) и всю ночь напролет танцевали и пели песни под удары бубна (dariā).

Если в ауле справлялось два или три фатахуни, женщины расходились по разным чаппари, смотря к какой невесте они стоят ближе по родству. Каждую новую группу женщин выходили встречать самые близкие родственницы жениха и невесты, обычно матери. Женщины равного возраста по очереди брали друг друга обеими руками за голову и целовали три раза в одну и другую щеку. Когда встречались женщины разного возраста, то старшая из них брала младшую обеими руками за голову и целовала три раза. После этого младшая брала правой рукой правую руку старшей за запястье и прикладывала нижнюю часть ее ладони к губам, потом ко лбу два или три раза.

Поздоровавшись со встретившими их хозяйками, женщины проходили в юрту, где здоровались с невестой и гостями. Вскоре после прихода первых двух-трех партий гостей начиналось пение. Пели две девушки или женщины вместе. Они садились рядом обычно с лицами, обращенными в противоположные стороны, иногда в одну сторону. Каждая из них имела в руках бубен, который держала вертикально, поставив на середину ладоней обеих рук, причем ударами сложенных вместе пальцев левой руки отбивала такт, а пальцами правой руки выбивала дробь. Пели на две куплеты, к которым прибавлялся один и тот же припев, *sarbeti*, менявшийся при изменении мелодии. Певиды пели по очереди. Одна из них пела куплет, вторая подхватывала припев, потом обе пели вместе. Пропев припев, первая замолкала, а вторая пела следующий и т. д. При пении куплета поющая обращалась лицом к бубну; при пении же припева обе поющие смотрели друг на друга.

Любимейшие припевы, которые чаще всего можно было услышать у джемшидок, следующие:

1) *Xuṣ āmad, memānāe rā dur, xuṣ āmad.*

(Добро пожаловать, гости пришедшие издалека, добро пожаловать.)

Xuṣ āmad, ārusāe pur nur, xuṣ āmad.

(Добро пожаловать, девушки полные света, добро пожаловать) и

2) *Kuço şud Gulsāme mā bisekine.*

(Куда делась Гулсом наша бездомная.)

Kuço şud Fatāme mā imedine.

(Куда делась Фатма наша городская или Мединская.)

Куплеты обычно пели любовного и шуточного содержания, например:

1) *Faramuş kardaim bā huṣem āmad.*

(Позабыла — вспомнила.)

Balam bālāe kirmizpūşem āmad.

(Парень мой наверху в красное одетый мой пришел.)

2) *Turā çanā marā çanāne mīgua.*

(Тебя милой, меня милым называют.)

Turā şamā marā pervāna mīgua.

(Тебя свечей, меня мотыльком называют.)

Turā Lejlī marā bīcāra Maçlum.

(Тебя Лейли, меня бедным Маджнуном.)

Marā az işki tu divāna mīgua.

(Меня от любви к тебе сумасшедшим называют.)

¹ Легкая юрта, довольно примитивного устройства, в каких живут джемшиды и хезарэ на кочевках.

Поющие постоянно менялись. Пение сменялось танцами. Так, женщины и девушки танцевали до самого вечера, а то и ночь напролет. Вечером их угощали только чаем. С наступлением глубокой ночи большинство женщин расходилось по разным чаппари спать. Только самые веселые и неотомимые девушки до самого утра пели песни и танцевали. Невеста не принимала участия ни в танцах, ни в пении. До самого вечера она хлопотала по хозяйству, помогая матери и другим старшим родственникам. В печении хлеба, однако, невеста участия не принимала, хотя бы и умела печь хлеб. Наиболее строгие девушки на своем фатахуни до конца выдерживали и не принимали участия в пении и танцах, некоторые же, когда большая часть женщин разошлась спать, а мужчины уже наверняка спят, в кругу молодых своих подруг и пели и танцевали, но только чтобы никто из родных этого не видел.

При мне Зюлей, девушку джемшидку рода маудуди, на ее фатахуни уговорили немножко попеть еще до наступления ночи. Убеждавшие ее женщины основывались на том, что в это время праздновалось не только фатахуни Зюлей, но также и ее брата и она может попеть не ради своего туя, а ради фатахуни брата. Зюлей не заставила себя долго уговаривать и, согласившись с доводами подруг, взяла бубен и стала петь. Во время пения с головы ее сползло покрывало. Как на грех, в это время в чаппари, где собрались женщины, заглянул жених Зюлей. Мгновенно бубен полетел в сторону и, схватив покрывало, Зюлей накрылась им вся под дружный смех женщин.

Поздней же ночью, когда почти все женщины улеглись спать, Зюлей даже, поддавшись уговорам подруг, потанцевала, но очень немного, боясь нареканий со стороны старших.

С рассветом женщины подымались, оправляли свои наряды, надевали снятые на ночь украшения.

На дворе в это время мужчины резали и свеживали баранов, раскладывая куски мяса в котлы.

Родственницы туидоров, хозяев свадьбы, снова принимались за стряпню, пекли хлеб, варили мясо.

Вскоре начинали съезжаться мужчины. Последние собирались в каком-либо просторном чаппари или дувале,¹ предпочтительно в доме хозяина, там их угощали чаем с хлебом и сахаром. После этого отправлялись на скачки. Последние происходили где-либо на ровном месте, недалеко от селения, где происходило фатахуни. Хозяевам победивших в скачках лошадей давали призы: баранов, халаты, деньги. Количество и богатство призов зависело от состоятельности раздающего их отца жениха. Во время скачек возникало много ссор, улаживавшихся лишь вмешательством почетных лиц. По окончании скачек гости возвращались в аул, где на открытом месте уже были разостланы четырехугольником длинные дастерханы. Рассевшимся вокруг них гостям разносили сначала воду для мытья рук в высоких кувшинах, потом угощение — плов или шурпу с мясом. Угощение разносили молодые парни, родственники жениха и невесты, в медных и эмалированных чашках. Одна чашка рассчитывалась обычно на трех-четыре человека. Разносившие еду в таком случае выкрикивали:

Sanafarî, sanafarî başînin!
(По трое, по трое садитесь.)

Или:

Çarnafarî, çarnafarî başînin!
(По четыре, по четыре садитесь.)

¹ Дувал — глинобитное зимнее жилище.



Рис. 2. Приготовление кошмы к катанию. Выкладывание узора.

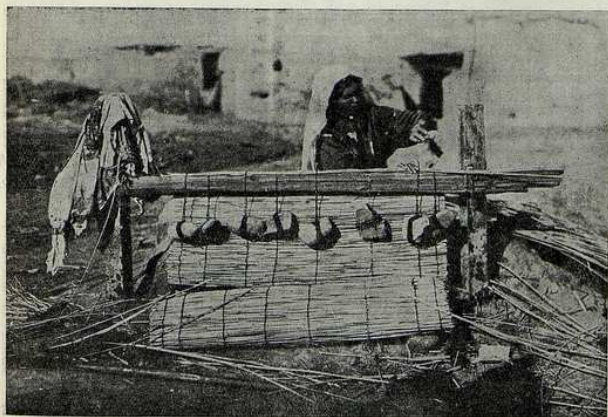


Рис. 3. Женщина-хазарейка за изготовлением чека.

Посередине четырехугольника стояло ведро с водой, возле которого, с медной чашкой в руках, стоял родственник хозяев свадьбы, подавая гостям, по их требованию, воду для питья. После еды большинство мужчин разъезжалось. Оставались только родственники и близкие соседи, пришедшие сюда с женами и дочерьми. Женщинам угощение давалось после мужчин. Ели женщины внутри чаппари. Невеста не принимала участия в общей трапезе. Она ела после, у себя в чаппари, в присутствии только своих. Последнее правило уже в то время часто не соблюдалось.

После угощения женщин разъезжались все остальные гости, оставались лишь самые близкие родные с обеих сторон. В одном из чаппари или дувале собирались отцы жениха и невесты, мулла и несколько родственников-мужчин. Перед муллой стояла чашка с сахаром и лежал платок с положенным на него краном или рупией. Это собрание, называвшееся „maçlis“, посылало двух „şaid'ov“ — свидетелей к невесте, спросить, кого она назначает своим „vakil“ — представителем. Эти двое отправлялись к жилищу невесты, присаживались снаружи у того места стены чаппари, где сидела невеста, обычно вправо от двери, и спрашивали ее:

Vakili tū kîr kardî?

(Представителем твоим кого сделала?)

Невеста сидела спиной к двери, закрываясь покрывалом. На вопрос называла своего представителя по степени родства, напр.:

Amai man vakil kardum.

(Брата отца представителем сделала.)

или по имени, если vakil не являлся родственником. Представителем мог быть любой родственник по мужской линии, даже отец или близкий знакомый ее родных. После этого свидетели спрашивали:

Tū mai, ke tur bā fellānî mitîa?

(Ты хочешь, чтоб тебя такому-то отдали?)

Невеста отвечает:

Vakil ixtiar dāra. Agar mitîa-mitîa, namitîa — ixtiare ū.

(Представитель право имеет. Если отдаст, отдаст, не отдаст — право его.)

Шойды возвращались в собрание и объявляли имя вакиля. Если в собрании присутствовали словоохотливые люди, „mardumā ixtelatî“, происходила следующий традиционный обмен вопросов и ответов. Свидетелей спрашивали:

Ā, brārā şumā az kuçā biāmada?

(Эй, братья, вы откуда пришли?)

Свидетели отвечали:

Az şaare vakālat.

(Из города представительства.)

Их снова спрашивали:

Ci xabar dārin şumā? Duxtare fellānî vakili zebānî hū kîr gufta?

(Какие известия имеете вы? Дочь такого-то представителем своим кого назвала?)



Рис. 4. Приготовление пищи. Выпечка лепешек.



Рис. 5. Приготовление пищи.

Свидетели называли вакиля. Тогда собравшиеся обращались к вакилю с вопросом о причине собрания, как-будто не знали этого раньше и, услыша, что это фатахуни такого-то и такой-то, спрашивали:

Az duxtare fəllāni cand talab mai?
(За дочь такого-то сколько требуешь?)

Вакиль девушки заламывал огромную цену, вакиль жениха соглашался, говоря, что родители жениха пойдут в батраки, а все-таки выплатят запрошенную сумму, но собрание не соглашалось.

Mā kabūl namikknīm, nān namihurīm, talab kam kūn.
(Мы не согласимся, хлеб есть не будем, требование меньше сделайте.)

Тогда между vakīli duxtar — представителем невесты и собравшимися происходил следующий диалог:

Vakīli duxtar:
— Bār rūi xudā jak hazar kam mikunūm.
(Перед лицом бога одну тысячу сбавляю.)

Собравшиеся:

— Bār rūi rasūle xudā cand kam mikunī?
(Перед лицом пророка божьего сколько сбавляешь?)

Vakil:
— Bār rūi rasūle xudā jak hazar kam mikunūm.
(Перед лицом пророка божьего одну тысячу сбавляю.)

Собрание:

— Bār rūi cāvriar cand kam mikunī?
(Перед лицом четырех имамов сколько сбавляешь?)
Vakil сбавлял цену „bā rūi cāvriar“ (перед лицом четырех имамов).

Собрание просило:

Bār rūi čammiat ke inčā šistae kam kūn.
(Перед лицом собрания, здесь сидящего сбавьте.)
Bār rūi kodo kam kūn.
(Перед лицом родителей жениха и невесты, сбавьте.)
Bār rūi piare pisar kam kun.
(Перед лицом отца мальчика¹ сбавьте.)
Bār rūi dumāt kam kun.
(Перед лицом жениха сбавьте.)

При каждой просьбе vakīl спускал цену и так постепенно доходил до цены, о которой отцы жениха и невесты условливались обычно до фатахуни. Тогда собрание соглашалось и мулла обращался к вакилю девушки:

Šumā fellonī, duxtare fellankasrā
bā zani šavxari
bā nikāe musulmāni
dādi baxšidi?

¹ Под мальчиком подразумевался жених.

(Вы такому-то, дочь такого-то
В замужество
По брачному обычаю мусульманскому
Дал, подарил?)

Вакиль отвечал:

Dādum, baḫṣīdum.
(Дал, подарил.)

Мулла второй и третий раз повторял вопрос. Получив второй и третий раз тот же ответ, мулла обращался к жениху (последнего приводили тотчас же по возвращении шойдов и он стоял против мутлы, сложив руки на поясе):

Fəllāni, duxtari fellankasrā
tū bā zani šāvharī
bā nikāe musulmāni
hāisti kabūleṣ kardi.

(Такой-то, дочь такого-то,
Ты в замужество
По брачному закону мусульманскому
Пожелал, согласился.)

Жених отвечал:

Xaistum, kabūleṣ kardum.
(Пожелал, согласился.)

Мулла повторял вопрос второй и третий раз. Получив все три раза утвердительный ответ, мулла читал первую суру Корана.

Окончив ее, мулла поздравлял молодого „hugzār“ (помолвленного), тот целовал руку мутле и вакию невесты, остальным пожимал руку обеими руками. Все его поздравляли, он выходил. Мулла раздавал присутствующим сахар, платок с монетой передавал отцу невесты. Публика понемногу расходилась. Мулла еще пил чай, получал вознаграждение и тоже уходил.

Surfae rīzā. После этого через три дня женщины, родственницы жениха, пекли 15—20 nāpe qadmal, сладких жареных хлебов и, сложив их в хорошую сурфу (скатерть) или женское покрывало, несли в дом жениха. Там они угощали этим хлебом родственников невесты и снова, отказываясь от предлагаемого им чая, просили снизить калым. В результате некоторой переторжки калым снижался.

Обычай этот назывался „surfai rīzā“ (скатерть согласия). На нем сумма калыма устанавливалась окончательно. После „surfai rīzā“ в ту же ночь жених приходил к невесте и ложился спать рядом с нею. Все время до самой свадьбы он мог приходиться к ней, но не слишком часто. Мать невесты ложилась по другую сторону последней и следила, чтобы ласки не заходили слишком далеко. Но все же случалось, что жених до свадьбы лишал невесту невинности, что тщательно скрывалось родственниками, но все же понемногу расходилось по соседям и служило тайным предметом насмешек.

Среди джемшидов и хезаре я встречала разные взгляды на этот обычай. Сеид-Батур, богатый бай из рода шахбати, говорил о нем с большим возмущением, описывая некрасивые сцены, которые происходят при этих ночных посещениях. Он говорил, что обычай этот выдумка джемшидов, так как в Коране об этом ничего не сказано и что он ни за что не пустит женихов к своим дочерям, пока не сыграет настоящей свадьбы.

Хезарец Кофур, наоборот, отзывался об этом обычае с большим одобрением, считая, что иногда только благодаря ночным свиданиям брак по воле родителей становится браком по любви.

В тот день, когда справлялась „surfaï rîzâ“, до вечера должна была быть доставлена половина калыма. Вторая половина доставлялась ко дню свадьбы.

Обычная сумма калыма была 100 баранов. Среди родственников эта сумма часто снижалась. Кроме того, между друзьями, а особенно между родственниками, иногда устраивали так наз. „âlâş“ (обмен). Если у двух друзей или родственников были у каждого сын и дочь или брат и сестра соответствующих возрастов, они менялись девушками и таким образом избегали уплаты калыма, обычно даже свадьбу обеих пар устраивая в один день и тем сокращая также и свадебные расходы.

Все же, несмотря на эти способы облегчения калыма, которые встречались единицами, калым тяжело ложился на плечи беднейшего населения.

Для малоимущего хозяйства уплата калыма была настолько тяжела, что могла пошатнуть его довольно основательно. Беднейшие хозяйства бывали не в состоянии уплатить даже значительно более низкий калым. Этим объяснялся большой процент неженатых взрослых мужчин в беднейших слоях населения. Напр., в ауле Маммад-Али рода Камбари из 24 взрослых мужчин были женаты только 16 (1928 г.). Таким образом, единственным выходом из такого положения являлась обычная дорога бедняка — наняться в батраки и заработать себе невесту. Часто молодой парень поступал для этой цели в батраки и работал лет 10—15 — до вполне зрелого возраста, почти весь заработок отдавая отцу своей невесты в счет калыма. Когда же, наконец, он получал свою невесту, у него не оказывалось, как говорится, ни кола, ни двора и, поставив себе чаппари, он все же был принужден всю последующую жизнь жить в экономической зависимости от своего бая, работая на него за скудные подачки. Если даже с помощью родственников и друзей ему и удавалось сколотить кое-какое хозяйство, оно все же было настолько слабо, что не могло достичь хотя бы самой малой степени благосостояния и оставалось в вечной зависимости от более богатых хозяйств.

Бывал и еще худший исход, когда отец девушки, наскучив ожиданием полной уплаты калыма, продавал дочь более богатому претенденту, несмотря на то, что часть калыма была уже уплачена. Хотя это и противоречит и мусульманскому закону, но даже с помощью светского суда удавалось лишь с большим трудом вернуть уплаченное и то редко полностью. Так, напр., Энад, джемшид рода Камбари, работал 13 лет, почти весь заработок отдавая в счет калыма за просватанную за него двоюродную сестру. Всего отдал 25 баранов, несмотря на то, что приходился ему дядей, продал девушку более богатому претенденту за 100 баранов. Так как он отказывался вернуть Энаду уплаченное в счет калыма, Энад подал на него в суд. Почтенные люди рода Камбари, так наз. „rîşîşîd“ („белые бороды“), решили их помирить. Они собрались и убедили Энада помириться с дядей, с тем чтобы последний вернул Энаду 25 баранов. Ссориться со старшим родственником, да еще более богатым, считается неприличным и невыгодным. Энад согласился, дядя его в присутствии собрания обещал отдать ему эти 25 баранов при первом требовании, когда же Энад потребовал их, посмеялся над ним и не отдал. Такие случаи: среди джемшидов не являлись редкостью и даже если кончались мирно, бедняк оставался пострадавшей стороной, никогда не получая полностью всего уплаченного и будучи принужден снова искать себе невесту.

Свадьба — tuj

Приблизительно через год после фатахуни справлялась свадьба.

За три дня до свадьбы родственницы жениха приносили невесте материалы для ее брачной одежды, покупавшиеся будущим свекром. Если женщины приезжали издалека, для них в этот день резали барана, если же жених жил

рядом, просто угощали их чаем. Невеста шила сама свою свадебную одежду и ей помогали домашние, родственницы и соседки, так как в три дня ей ни в коем случае не справиться было со всем шитьем. Штаны и халат для свадьбы чаще всего делались шелковые, у богатых и рубаху шили шелковую.

Несчастливыми днями для свадьбы считались воскресенье, вторник и суббота. Точно также нельзя было играть свадьбу 1, 9, 13 и 23 числа месяца.

Накануне свадьбы сам хозяин (отец жениха или старший брат, если отца нет) и его родственники обходили и объезжали родственников и знакомых и приглашали их на свадьбу. Без приглашения на свадьбу никто не являлся, разве только самая беднота.

Особо почетных лиц хозяин свадьбы приглашал лично. Утром в день свадьбы, как и в день фатахуни, женщины родственницы собирались для печения хлеба и затем расходились для переодевания к свадьбе.

Гости, и мужчины и женщины, съезжались с вечера накануне свадьбы и расходились по разным чаппари к своим друзьям и знакомым. Самые почетные гости собирались у отца жениха, если последний жил в одном ауле с невестой, или у родственников невесты.

Богатые для приема гостей готовили отдельное строение „mihmān-xapa“ (дом для гостей). У джемшидов это обычно глиняный дувал с отверстием для входа в стене и с отверстием для выхода дыма в крыше. У хезарэ „mihmān-xapa“ или такой же дувал или отдельное хорошее чаппари из новых кошм. Внутри „mihmān-xapa“ устилается коврами и кошмами.

Собравшиеся гости занимались беседой о последних новостях: кражах, угонах скота, арестах, о лошадях. В некоторых чаппари пели певцы, играли на дутаре, на двуструнной скрипке, зурне и барабане.

Женщины собирались только из ближних селений, приходя на свадьбу пешком, из дальних же мест приезжали только мужчины. Пришедшие женщины размещались в отдельных чаппари на другом конце селения, где устраивали пение и пляски и получали угощение.

Поздно вечером на середине аула на просторном ровном месте расстилались большим четырехугольником простые дастерханы (скатерти), сотканые из козьей шерсти. Вокруг них рассаживались гости мужчинами. Родственники жениха и невесты разносили хлеб и шарпу (суп) с кусками мяса в медных и эмалированных чашках.

Когда гости насыщались, скатерти и посуда уносились и начинались борьба и танцы.

Посреди широко раскинувшегося круга гостей зажигали большой костер из гребенщика и сучьев фисташки. В стороне от него танцевали большим кругом мужчины, то сходясь, то расходясь, вертясь и разводя руками. Когда прискучат танцы, начиналась борьба, нередко вызывавшая ожесточенные споры, доходившие почти до драки.

В начале ночи, когда пожилые гости еще не разошлись спать, у хезарейцев обычно выступал lutī-шут, иногда один, иногда с помощниками, потешая собравшихся почти сплошь нецензурными шутками. По словам джемшидов, на их свадьбах иногда тоже выступали lutī, но ни на одной из многочисленных джемшидских свадеб, на которых я присутствовала, шута не было, на хезарейских же свадьбах он выступал обязательно. На свадьбе родственника Арбаб-Юсупа мне удалось записать одну из таких примитивных импровизаций, тут же переведенную мне на русский язык. На lutī были надеты обычные белые штаны (tummun), засученные до колен, оборванный „sajdam“ (пастушья войлочная шуба) и истрепанная папаха. Он вбежал в круг, болтая всякую ерунду, сплошь нецензурную, от которой присутствующие покатывались со смеху. Затем между ним и музыкантом произошел следующий диалог (в отличие от других свадеб, на свадьбе у Арбаб-Юсупа танцам акомпанировали зурна и барабан).

Музыкант. Откуда ты прибежал?

Luti. Я откуда прибежал? Из раю.

Музыкант. А что там нового в раю?

Luti. В раю что нового? Пуд зелира (растение Э. Г.) 18 рублей.

Музыкант. Да что ты! Ну, тогда мы все повезем туда свой зелир.

Luti. Везите, везите, только я соврал.

Музыкант. А что?

Luti. Да там пуд зелира 3 рубля.

Музыкант начинает ругаться и Luti отвечает ему самыми отборными нецензурными словами, приводя в восторг слушателей. Затем музыкант нанимает Luti в пастухи и тот сначала соглашается, а потом избивает музыканта за плохие условия найма и убегает.

В следующий перерыв между танцами Luti снова прибежал в круг в сопровождении парня, закрытого пестрым женским покрывалом, изображавшего женщину. Музыкант загорючился им дорогу, спрашивая, кто они такие и куда идут. Пока они беседовали, „женщина“ села, охватив колени руками (типичная женская поза) и почти совсем закрыв лицо покрывалом. Luti тем временем рассказывал музыканту, что они перекочевывают на новое место.

Музыкант. А это кто?

Luti. Это моя тетка.

Музыкант. Тетка, а не жена?

Luti. Нет, дочка.

Музыкант. Как дочка, ты же сказал тетка?

Luti. Ах, милый, не все ли равно. Вечером она мне тетка, ночью жена, а утром дочка. Ну, прощай, мы спешим.

Luti бросился бегать вокруг костра, „женщина“ за ним. Из круга выскочил еще один парень в женском покрывале, изображающий женщину, и Luti принялся за ней гоняться. Поймав, усадил ее на землю и, называя ее дочкой, стал задавать ей разные нецензурные вопросы. Потом опять забегал вокруг костра, сбросив с себя чайдан и оставаясь с обнаженным торсом. Из круга выскочил еще парень, одетый женщиной, и так все продолжалось каждый раз сначала, пока у него не набралось семь дочерей. Усавив их в ряд и дав каждой какое-либо нецензурное имя, он предложил войти в круг желающим жениться на них. Желающие вошли в круг. Он вымывал каждого по очереди и расхваливал ему одну из дочерей в самых нецензурных выражениях и подробностях, а когда тот соглашался на ней жениться, прогонял его палкой, осыпая бранью. Прогнав всех, он снова стал носиться вокруг огня со всеми дочерьми, а затем убегал.

Развлечения продолжались обычно до поздней ночи. Пожилые люди постепенно расходились спать, молодежь продолжала веселиться. На богатых свадьбах, на которые съезжалось много именитых людей джемшидского и хезарейского мира, можно было видеть ночью вооруженных часовых, расхаживавших возле отдельных чапари и охранявших их сон. Бывало, что на богатую свадьбу съезжались в большом количестве представители резко враждующих между собою групп, которых гостеприимный хозяин приглашал на свадьбу с одинаковым радушием, не желая вызвать обиду какой-либо из враждующих сторон. Врагов заботливо укладывали спать подалеже друг от друга, ставя часовых у места ночлега тех известных личностей, на которых могло готовиться покушение. Но все же не всегда ночь проходила спокойно. Так, на свадьбе в семье хезарейца Боз-Маммада, одного из богатейших людей района, на которую было приглашено почти все джемшидское население, среди глубокой ночи вдруг поднялся страшный крик. Это гнались за молодым парнишкой, покушавшимся на жизнь одного из влиятельных лиц джемшидского рода маудуди, Ибреим-бека. Корни этой истории, основанной на обычае кровной мести, очевидно, теряются в далеком прошлом. По рассказу присутствующих „az vaqte qadim“ (с древних времен) предки Ибреим-бека и пытавшейся теперь уничтожить его группировки того же рода маудуди убивали друг друга. Во время гражданской войны Каиб, один из главных представителей враждебной Ибреим-беку группы, убил брата Ибреим-бека. Последний после этого убил нескольких родственников Каиба, но до самого Каиба не добрался. Зимой 1928 г. Каиб ездил в Афганистан специально, чтобы убить Ибреим-бека, но сам был убит последним, причем тело его было подвергнуто всяческим надругательствам и в конце концов сброшено

в канаву для нечистот. В ноябре 1929 г. Ибреим-бек неожиданно переселился на территорию СССР, в Шур-чешме, одно из крупных селений джемшидов, и был приглашен на свадьбу к Боз-Маммаду. В расчете на то, что советские законы мягче карают несовершеннолетних преступников, чем взрослых, родственники Каиба подослали к Ибреиму-беку мальчишку лет четырнадцати, дав ему винтовку для совершения убийства. Мальчик был во-время замечен часовым, который поднял тревогу, родственники и приверженцы Ибреим-бека бросились догонять мальчика, но последний тотчас же был обезоружен своими, хотя их было гораздо меньше. Когда я вместе с присутствовавшим на счастье представителем пограничной охраны явился на место происшествия, аул представлял собою толпу, разделившуюся на два неравных лагеря, готовых ринуться друг на друга. Зачинщики тотчас же были обезоружены и посажены под арест до утра. Все говорили, что если бы не присутствие представителя власти, дело не обошлось бы без кровопролития.

Утром гостям подавали чай. Пили и ели наскоро, и после чая мужчины седлали лошадей и отправлялись на скачки. Если место скачек было близко, шли пешком, только мальчики ехали на предназначенных для скачек лошадях. Если же место скачек было далеко, все, кто имеет лошадей, ехали верхом, только беднота шла пешком, да и тех обычно кто-нибудь приглашал сесть сзади на лошадь. По дороге все время слышны были шутки и пение. Ехали группами, по родовому признаку, но были роды, которые разделялись на два враждующих лагеря, напр., род маудуди. Приехав на место скачек, обычно более менее ровную и прямолинейную долину между двумя горами, рассаживались по склону горы опять-таки теми же группами. Хозяин свадьбы, отец или старший брат жениха, объявлял призы, которыми обычно являлись бараны и халаты. Напр., на свадьбе у семьи среднего десятка, на которой я присутствовала, призами были четыре барана, на свадьбе же у хезарейца Боз-Маммада, исключительно богатой, призы были следующие: первый приз — кобылица, второй — корова, третий и четвертый — халаты, далее — деньги, причем деньгами он оделял всех победителей, пока не кончились скачки. Затем начинались скачки, вызывавшие невероятный азарт среди зрителей и нередко кончавшиеся крупными ссорами.

Соревнование во владении хорошей скаковой лошадью являлось нередко причиной распрей и даже длительной вражды между отдельными баями. Лучшими скаковыми лошадьми владели преимущественно джемшиды. Хезарейцам редко доставались призы на свадьбах, разве только если свадьба была богатая и призов много. Хорошая скаковая лошадь стоила в 1928—1929 гг. от двух до трех тысяч рублей и дороже. Ясно, что и содержалась такая лошадь со всей тщательностью, какая только возможна в джемшидском быту. Скаковую лошадь круглый год кормили ячменем. Один или два раза в день ее „прогуливали“ на ровном месте по близости аула. Для самых дорогих лошадей для этой цели нанимали специального тренера, обычно из туркмен. Тренер, „saïs“, жил в доме нанявшего его джемшида на всем готовом, его старались кормить лучшей пищей, давали ему самую лучшую постель, предоставляли лучший угол в дувале (зимнем жилище). Кроме того он получал месячное жалование 100—150 руб. В обязанности саиса входило общее руководство уходом за лошадьми и тренировка всех лошадей как его хозяина, так и его ближайших родственников, так как взятие первых призов на скачках вызывало ликование всего рода или внутриродовой группировки, к которой принадлежал выигравший. Старались обездолать несколько хороших лошадей, так как борьба за количество призов достигала иногда почти такого же напряжения, как и борьба за первый приз. Поэтому братья и родственники хозяина, нанявшего саиса, просили последнего следить также и за их лошадьми; за это угощали его, дарили подарки. Самое напряженное внимание обращено было, естественно, на лошадь, берущую первые призы. Ее обездол и уход за ней вызывали живейшее внимание всего мужского населения аула. Саис обычно не обездол лошадей сам, а имел лишь

общее руководство; объезжал же лошадей живущий постоянно при нем, специально выученный этому мальчик туркмен 15—16 лет.

Самое напряженное, ожесточенное соревнование за лучшую скаковую лошадь шло между Сеид-Батуром рода шахбати и Назар-баем рода маудуди. В 1928 г. лучшей скаковой лошастью района обладал Сеид-Батур, но лошадь эта пала от укуса змеи. Вскоре после этого Назар-бай нанял саиса, платил ему 150 руб. в месяц и лошадь его стала брать первые призы. Осенью 1929 г. Сеид-Батур отправился по всему району искать лошадь, которая могла бы выдержать состязание с лошастью Назар-бая. Найдя такую лошадь, он заплатил за нее более 2000 руб., но, не имея саиса, не мог достаточно вытренировать ее. На свадьбе у Боз-Маммада, на которую были приглашены почти все джемшиды, Сеид-Батур отказался от участия в скачках, боясь испортить еще не тренированную, не спустившую лишнего жира лошадь.

Многие гости, интересуясь покупкой Сеид-Батура, просили его пустить свою лошадь проскакать по полю, чтобы оценить ее достоинства. Когда просьба была исполнена, со всех сторон зазвучали восторженные похвалы лошади. В некоторых из них сквозила насмешка — намек на трусость Сеид-Батура, не решающегося пускать в состязание такую прекрасную лошадь. Задетый за живое, Сеид-Батур тут же дал клятву отыскать хорошего саиса и на следующую же свадьбу пустить лошадь в скачки. Он ездил специально в Ашхабад, нашел саиса, которому дал жалование 100 руб. в месяц, а когда стала приближаться следующая богатая свадьба у упомянутого выше богача Сеид-Кули, Сеид-Батур поехал снова по району и купил лошадь еще лучше первой, специально для скачек на большую дистанцию. Победа Назар-бая на ближайших скачках стала подвергаться сильному сомнению. Лучшие знатоки лошадей, осматривая новые покупки Сеид-Батура, предвещали ему несомненную победу. Тогда Назар-бай отпустил своего саиса, который тотчас же перешел на службу к Сеид-Кули. Сеид-Батур был в отчаянии, так как не сомневался, что на свадьбе у Сеид-Кули Назар-бай откажется от скачек, так как давно уже не имеет саиса. Конечно, этот отказ отдал бы первые призы в руки Сеид-Батура, но последний лишен бы был наслаждения видеть воочию, как при огромном стечении народа его лошади обгоняют лошадей Назар-бая. Возмущенный этим „маневром“ Назар-бая, Сеид-Батур по наивности пытался жаловаться даже органам власти. Ссылаясь на громадные свои затраты на лошадей, он просил последние воздействия на Назар-бая и заставить его вернуть к себе саиса. Но в это время уже ударили морозы, выпал снег, свадьба у Сеид-Кули была отложена на неопределенный срок и разговоры о скачках замерли, как замирает на зиму все в джемшидских аулах.

После состязаний на скорость обычно затевалась игра „davrbarak“, также вызывавшая веселый азарт среди участников и зрителей. Заключается она в следующем: едет пара лошадей, причем одну лошадь пускают чуть вперед, вторая догоняет и седок второй бьет первого седока плеткой по спине. Цель переднего седока — ударить так, чтобы его ни разу не ударили, второго — наколоть как можно больше.

Иногда пускают сразу две или три пары. Некоторые, более трусливые, надевают второй ватный халат, чтобы не было больно; над такими смеются.

Насколько серьезна бывала вражда из-за первенства на скачках, показывает еще следующий факт: на одной из свадеб, когда еще была жива знаменитая сеид-батуровская кобылица, павшая потом от укуса змеи, Сеид-Батур отдал первый приз без состязания, так как не было ни одной лошади, которую можно было бы пустить на соревнование с нею. Ее просто прогнали по полю одну, а потом начали состязание за второй приз, который взяла лошадь джемшида Ходжи-Ниаза. В игре „davrbarak“ ее пустили догонять кобылицу Сеид-Батура и она с такой легкостью шла наравне с последней, что седоку поря-

дочно досталось, хотя он усердно нахлестывал знаменитую кобылицу, тогда как ходжа-ниазовский седок ни разу не тронул лошадь плеткой.

В обратную сторону лошадь Ходжи-Ниаза должна была итти впереди, Сеид-Батура догонять. Среди зрителей началось перешептывание. Назревал крупный скандал. Если бы лошадь Ходжи-Ниаза ушла от лошади Сеид-Батура, последнему пришлось бы отказаться от приза, и, главное, от славы обладателя лучшей лошади. Но, очевидно, по тайному распоряжению Ходжи-Ниаза, в то время как сеид-батуровский седок наколачивал свою лошадь что есть силы, ходжи-ниазовский незаметно придерживал узду и опять ни разу не тронул лошадь плетью, так что лошади шли наравне. Так осторожный Ходжа-Ниаз отказался от приза и славы, чтобы только не нажить себе врага в лице Сеид-Батура. Окружающие рассказали мне, что года четыре назад один джемшид убил своего хорошего приятеля за то, что лошадь последнего обогнала на скачках его лошадь, которая до тех пор считалась первой.

После скачек ехали обратно к месту свадьбы.

Там с утра женщины родственницы жениха и невесты хлопотали у печей и котлов, приготавливая плов или шурпу. Женщины же, пришедшие в гости, когда мужчины уезжали на скачки, танцевали под удары бубна на открытом воздухе, потом, когда мужчины возвращались, снова забирались в чаппари и сидели там кучей в ожидании угощения. Предварительно где-нибудь в стороне угощали детей (рис. № 6). Для мужчин к этому времени уже были разостланы там же, где и накануне, скатерти четырехугольником и, как только они усядутся, им разносили воду для мытья рук, потом угощение. После еды большинство гостей разъезжались.

Перед *namāze reşin* (второй намаз) мать и сестры принимались обрядить невесту. У хезарэ обрядила невесту какая-нибудь счастливая женщина, богатая и имеющая много детей. Вся одежда дарилась свекром, серебряные украшения — частью отцом, частью свекром. Сверх обычного головного убора надевалось шелковое покрывало, „*ruband*“, чаще всего красного цвета, иногда зеленого, спускавшееся на лицо и грудь. Сверх покрывала надевались серебряные украшения, „*qullāba*“ и „*samsolla*“. На ноги сверх обычных штанов надевалась вторая пара, называемая „*tummune dellāk*“, которые внизу кончались пришитыми к ним белыми вязаными носками. Считалось ни в коем случае недопустимым, чтобы были видны голые щиколотки невесты.

Обряженная невеста садилась у стены вправо от двери, откидывала шелковое покрывало назад и, приложив платок к глазам, начинала, причитывая, плакать. Возле нее садились мать и сестры и тоже плакали. В это время в одном из чаппари собирався *şammat* (собрание) из родственников невесты и почетных лиц. В середине напротив двери сидел мулла, перед ним лежал Коран и стояла чашка с сахаром и чаша с водой. Как и на фатахуни, посылали к невесте двух свидетелей, которые узнавали, кого она избрала своим представителем, и, возвратясь к собранию, сообщали имя избранного невестой вакиля. В это время приводили жениха. Вели его под-руки двое его родственников, братья родные или двоюродные, или дяди. Все трое останавливались в дверях, жених выступал немного вперед. Мулла обращался к вакилю девушки с теми же троекратными вопросами, что и на фатахуни. Получив троекратные ответы от вакиля девушки и от жениха, он читал молитву, затем благословлял жениха. Последний подходил, целовал руку мулле и сидящим подле муллы почетным лицам, остальным всем пожимал руку двумя руками. Потом отпивал немного от чаши с водой и выходил. На чашу тотчас же набрасывались сидевшие в собрании мужчины, каждый старался отпить из нее глоток, так как считалось, что чаша эта, наполненная ради счастливого дня, содержит в себе благополучие. Происходила маленькая потасовка, все обливались водой, стараясь отпить, и наконец расплескивали чашу. Мулла раздавал всем присутствующим по куску сахара.

Жениха вели все также под руки к дому невесты, навстречу ему выходили танцующие женщины и двигались, танцуя, перед ним до самого дома невесты. Перед входом в последний некоторое время танцевали и жених стоял и ждал, а затем входил один в чаппари невесты. Последняя тотчас же вставала и ей набрасывали на лицо шелковое покрывало, отброшенное назад во время плача. Жених брал ее под-руку, становясь справа от нее и выводил из чаппари. Вместе с невестой выходила из чаппари ее родственница, тетка по матери или по отцу или старшая сестра. Женщина эта, называвшаяся „hinga“, шла по левую руку невесты. Мать невесты не сопровождала. У джемшидов, если дом жениха был близко, шли пешком. Когда выходили из дома невесты, жениха, невесту и окружавших осыпали кишимшем и серебряными деньгами, у хезарэ также сладким печеньем „cikldak“ и дальше старший брат или дядя невесты разбрасывал несколько раз серебряные деньги. Возле жениха и невесты шел певец и пел специальные свадебные песни. Эту процессию сопровождала вся толпа родственников, соседей и гостей, несколько раз по дороге жениха и невесту останавливали танцующие перед ними женщины, мужчины и дети. Во все время шествия молодежь скакала кругом на лошадях и стреляла из ружей. Если дом жениха был далеко, невесту везли на лошади или на верблюде, жених же ехал на лошади. Лошадей и верблюда украшали пестрыми тряпочками. Вместе с невестой на лошади или на верблюде ехала „hinga“. Невеста сидела впереди, hinga сзади. Hinga должна была быть пожилая, солидная. Когда поезд выезжал из селения невесты, его долго сопровождала стреляющая и танцующая праздничная толпа.

У хезарэ, если жених был из того же аула, даже если он жил рядом, и он, и невеста обязательно ехали на лошадях (рис. 7), причем процессия объезжала весь аул, сопровождаемая танцующими хороводами мужчин, женщин и детей, пением певца и выстрелами из ружей.

Родители не должны были сопровождать невесту, мать могла притти к ней только на третий день после свадьбы, но это правило не всегда соблюдалось. На одной из джемшидских свадеб, на которой я присутствовала, мать приехала вместе с невестой в дом жениха.

Перед домом жениха новобрачных снова останавливали танцующие женщины, а иногда и мужчины. Если невеста приехала издалека, жених сам снимал ее с лошади и ставил на землю. Hinga помогали слезть другие. Когда танцующие женщины расходились, жених и невеста пытались войти в жилище жениха. Две родственницы последнего тотчас же загоразивали им вход, требуя выкупа. Жених давал им немного серебряной мелочи и они расступались. В дверях чаппари жениха поставлен был опрокинутый котел, на него положена серебряная монета. Молодые должны были, входя в чаппари, перешагнуть через котел. В чаппари, которое тотчас же наполнялось женщинами, они становились вправо от двери. Одна из пожилых родственниц жениха накидывала на последнего край шелкового покрывала невесты и давала им под покрывалом Коран. Жених два-три раза прикладывал Коран к губам и ко лбу, затем передавал Коран невесте, которая следовала его примеру. Эта же женщина принимала Коран обратно и подавала молодым под покрывало чашу с шербетом (сладкой водой). Сначала отпивал жених, потом невеста. В это время женщина, подавшая им шербет, держала перед ними зеркало, стараясь повернуть его так, чтоб новобрачные видели в нем друг друга. Шербет и зеркало никогда не бывали приготовлены заранее и как только жених и невеста входили в чаппари, начинались суматошные поиски их, иногда даже за зеркалом бежали в соседнюю юрту. В отдельных случаях я наблюдала варианты в обрядах с этими тремя предметами. Иногда отсутствовал Коран или шербет подавали отдельно от зеркала. На одной джемшидской свадьбе на невесту посыпали золу из очага, а у хезарэ один раз невесте посадили на колени маленького мальчика, чтоб у нее было много детей.



Рис. 6. Угощение детей на свадьбе.



Рис. 7. Свадьба у хезарэ. Невеста отправляется в дом жениха.

После совершения этих обрядов молодые садились на постлаанный для них вправо от двери тюфяк, перед которым повешено было женское клетчатое покрывало, называвшееся в этом случае „sarşav arus“. Женщины вскоре уходили, уходил также и жених, оставались лишь родственницы той и другой стороны, которым подавали чай. Одна из пожилых родственниц раздавала всем по кусочку хлеба, привезенного невестой из дому, читала маленькую молитву, все хлопали в ладоши и начинали пить чай. Невесте также давали за занавеску чая и хлеба. Постепенно все расходились.

У хезарэ мулла, совершивший брачный обряд, обходил все селение и каждый должен был дать ему что-нибудь.

В доме жениха и невесты оставалась только hinga. Жених приходил под вечер и заходил к невесте за занавеску. В головах молодых клали бубен. Hinga ложилась или сидела в чаппари по другую сторону занавески. Когда жених овладевал невестой („ejneke dumâthşa şûd“ — буквально: когда жених царем стал), он тихонько ударял несколько раз в лежащий в головах бубен или, если бубна нет, в опрокинутый „lâgan“ (медный котел). Hinga, ожидающая этого момента, тотчас же наматывала на два пальца длинную полоску белой материи и, зайдя за „sarşav arus“, брала у молодой кровь. Жених в это время или выходил, или сидел отвернувшись. После этого hinga уходила. Молодая три дня не выходила из-за покрывала. Через три дня делали угощение. Молодой муж или его отец убивал барана и собирались женщины родственницы и соседки. Hinga показывала им тряпочку с кровью невесты, положенную в башмак последней. После этого покрывало переворачивали, иногда даже убирали совсем, чаще же оно оставалось висеть от 10 дней до 1 месяца.

Если невеста оказывалась не девственной, молодой муж по закону должен был ее убить. Мог пощадить, только если она являлась его родственницей.

Если жених сам до брака лишил невесту невинности во время ночных посещений, этот факт старались скрыть и на третий день покрывало переворачивалось. Все же это узнавалось постепенно всеми и считалось стыдным.

На эту церемонию приходила также и мать молодой и приносила ее приданое. В последнее входило: одежда (частью подаренная женихом или свекром), паласы, кошмы, постель.

Невеста после этого уже начинала выходить и принимать участие в домашних работах. Первое время она еще оставляла на себе праздничную одежду и в течение по крайней мере года соблюдала некоторые правила стыдливости „hiçâlat kaşıda“ (стыдилась), носила полный головной убор, постоянно, даже внутри чаппари, накрывала на себя покрывало, не возвышала голоса, не баловалась при мужской родне и даже при муже с молодыми женщинами и девушками.

При женитьбе на вдове или разводе свадьба не игралась. Жених просто приезжал за невестой и увозил ее домой. Sarşav arus не вешалось и новая жена со следующего дня принимала участие в общих работах.

У бедных свадьба не имела таких широких размеров. Чаще всего бедняки свои свадьбы приурочивали к свадьбам среднего достатка и, таким образом, сокращали расходы по угощению, внося лишь небольшую долю. Бывало, что одновременно справляли три и даже четыре свадьбы, что сокращало расходы в три и четыре раза. Богачи же справляли свадьбу единолично.

Через несколько дней после свадьбы отец молодой резал барана и звал к себе в гости молодых. Когда им подавали пищу, отец говорил дочери: „Nâp buhur“ (кушай, буквально: „хлеб кушай“), но та мялась и не дотрагивалась до еды. Отец обращаясь с этой же фразой к жениху, но тот также как-будто жеманился и не принимался за еду. Отец вторично повторял обоим приглашение, которое также не достигало результата. Тогда отец клал перед ней деньги (рублей десять), какую-либо пеструю материю, джаман (женский халат) или

другой подарок или обещал хорошего барана и в третий раз повторял приглашение. Тогда только молодые принимались за еду.

Таким образом молодых звали ко всем близким родственникам невесты и везде повторялась та же история. Невеста, имеющая много богатых родственников, собирала так несколько хороших подарков.

Бывало наоборот, что муж после свадьбы запрещал жене навещать родственников, не отпускал ее даже к родителям, хотя общественное мнение осуждало его за это. Мне пришлось раз видеть, как у одного хезарейского чаппари громко плакала с причитаниями молодая женщина. Оказалось, что она пришла навестить больного отца, но последний не пускает ее в дом, так как в течение четырех лет после замужества она ни разу не навестила его, подчиняясь запрещению мужа. Женщина эта сидела у дверей родного дома уже второй день, с плачем и причитаниями умоляя отца впустить ее, но он оставался непреклонен. Окружающие говорили, что есть упорные отцы, которые за такой проступок не пускают к себе дочь до самой смерти.

За редким исключением для женившегося сына или брата сразу же ставился отдельный чаппари. Только при стесненном материальном положении это могло быть отложено на год-два, но в конце концов семьи непременно раздвоялись. Среди джемшидов Кушкинского района имелось четыре случая нарушения этого обычая, из них два в роде муртузеи, один в роде шериф беленди и один в роде голгенди. Во всех четырех случаях жили вместе женатые братья.

Остается сказать о тех случаях заключения брака, при которых свадьба не игралась. Это прежде всего при соблюдении очень распространенного во то время у джемшидов и хезарэ левирата, когда жена умершего старшего брата переходила к младшему. Имеющая детей вдова могла не выходить замуж, а остаться в семье младших братьев при детях. Если она все же хотела выйти замуж в другую семью, ее иногда силой заставляли оставаться при детях; если же она настаивала на своем, лишали ее минимальной доли наследства и детей оставляли в семье ее первого мужа. Бездетная вдова обычно выходила замуж за брата своего мужа, если же такового нет, ее мог взять племянник ее мужа как по мужской, так и по женской линии, но лишь в случае его желания, так как здесь могла быть большая разница возрастов. В этих случаях свадьба не игралась, как и вообще при женитьбе на вдове или разведенной женщине. Точно так же свадьба не игралась и при браке умыканием. Умыкание невесты было явлением довольно распространенным среди джемшидов. За сравнительно недолгое мое пребывание среди них произошло несколько случаев умыкания, и мне рассказывали о некоторых других, происшедших раньше. В подавляющем большинстве случаев похищали вторую жену, так как первая жена бывала сосватана еще в детском возрасте и ее незачем было похищать. Очень часто девушка сама давала знать тайному своему избраннику о своем желании и тогда, как говорили джемшиды, „он не мужчина, если не возмет ее к себе“. Последствия бывали разные. Иногда после долгой ссоры джемшид, похитивший девушку, пытался помириться с ее отцом, уплачивал требуемый калым и дело улаживалось мирно. Чаще же такие умыкания порождали вражду между семьями похитившего и похищенной, а нередко и кровную месть, если при погоне за похитителями кого-либо убивали. Обычно подготовка к умыканию производилась в строжайшей тайне и исчезновение девушки являлось неожиданностью для ее семьи. Но бывали и исключения. Напр., Бибзат, дочь джемшида Сеид-бая, сосватанная еще с детского возраста, когда родители объявили ей о назначенной уже свадьбе, заявила, что любит Шукруллу-Батура и ни за кого другого замуж не пойдет. Это было во время гражданской войны, приблизительно в 1919 г. Бибзат сама тайно призналась в своем чувстве Шукрулле, когда он приезжал в гости к ее отцу, и он обещал увезти ее. Еслиб имя названного ею избранника не было таким громким, родители несомненно избili бы

ее за такое непослушание и отдали бы замуж силой. Возможно, что и сама она не решилась бы действовать так смело. Но имя Шукруллы-Батура (рода мургузеи) было достаточно известно. Будучи и до того видным военным предводителем, Шукрулла-Батур в годы гражданской войны создал джемшидский отряд по борьбе с басмачеством из 60 человек, сам став его начальником. Не зная, известно ли Шукрулле о чувстве, питаемом к нему Бибзат и как он относится к этому, родители не решились на насилие и при первом же посещении Шукруллы Бибзат неожиданно исчезла. Погоня не настигла беглецов. Впоследствии родственники Сеид-бая несколько раз покушались на жизнь Шукруллы-Батура, но безуспешно, один из покушавшихся был даже ранен его друзьями.

Подавляющее большинство похищений падало на байскую верхушку джемшидов, поскольку и многоженство характерно было только для этого класса. Имущественное неравенство таким образом отражалось и на количестве жен. В то время, как у бедноты даже не все взрослые мужчины были женаты, бай почти все имели по две-три жены, а Арбаб-Юсуп, глава хезарейского рода Логери и других кочующих вместе с ним родов — даже четыре жены. Многоженство распространено было одинаково во всех как джемшидских, так и хезарейских родах. Сообщение И. И. Зарубина о том, что „роды Таваквардор и Тарбур не допускают многоженства“¹ неверно. Автора, очевидно, ввело в заблуждение то обстоятельство, что члены этих двух родов, живущие на территории СССР, составляли всего две кочевки (одну таваквардор и одну тарбур), настолько бедные, что в них не было ни одного бая, поэтому, естественно, не было и многоженства, но на территории Афганистана, по сообщению членов этих родов, имеется сколько угодно баев как рода тарбур, так и таваквардор, имеющих по две-три жены. Многоженство усугубляло и без того бесправное положение женщины. Ревность между женами, ревность между детьми той и другой матери за любовь отца, ревность матерей за любовь отца к их детям создавали в семье скверные, нездоровые отношения. Если одна жена не чувствовала себя полной хозяйкой в доме, то если их несколько, они тем более имели приниженное, подчиненное положение. Достаточно показательным является тот факт, что четвертая жена упомянутого выше Арбаб-Юсупа умерла от нанесенных ей мужем побоев и единственным последствием этого было то, что брат ее, один из богатейших баев, был в течение года в ссоре с Арбаб-Юсупом, а потом они помирились. Лишь в редких случаях женщина могла в серьезном вопросе проявить свою волю и защитить свое достоинство. Мне пришлось наблюдать это в одном довольно комическом случае. Молодой джемшид, сын Самад-бая, имея двух молодых жен (из них одну белуджку), похитил у другого джемшида его пожилую жену, летами гораздо более старшую, чем он сам и его жены. Последние, оскорбившись, ушли к своим родителям, причем белуджка уехала в Иолатань, где сконцентрированы поселения белуджей. Самад-бай выгнал сына из дома за то, что тот стал посмешищем всей округи, и не позволил ему возвращаться, пока он не приведет в порядок свои семейные дела. Он поехал в Иолатань к жене-белуджке, но она наотрез отказалась вернуться к нему, пока в его доме находится „старуха“. Так же ответила и другая жена. Кончилось тем, что он уговорил мужа похищенной им пожилой женщины взять ее к себе обратно, но для этого, по обычаю, она должна была выйти замуж за какое-либо третье лицо, предварительно получив развод от первого мужа, так как похищенная женщина считается „хагам“ — нечистой и непосредственно от похитителя к первому мужу вернуться не может. Только после получения развода от этого третьего человека, который обычно делает это из приятельских чувств к одному из заинтересованных лиц, она возвращается к первому своему мужу. Таким образом, сын

Самад-бая должен был пойти на такую длинную комбинацию и хлопоты по воле двух своих молодых жен. Правда, случай был исключительный и слишком оскорбительный с точки зрения всего джемшидского населения.

Остается сказать несколько слов о тех достижениях Советской власти в борьбе с бесправным положением женщины, которые имели место уже в то время. Борьба с многоженством, несмотря на запрещение последнего советскими законами, велась в 1928—1929 гг. довольно слабо, да с этим в условиях того времени очень трудно было бороться. Напр., я была свидетельницей такого факта. Сын джемшида Ходжи-Надыра похитил себе вторую жену. Отец похищенной девушки заявил в милицию, что сын Ходжи-Надыра в лице его дочери взял себе вторую жену, чего он по советским законам не имел права делать. Сына Ходжи-Надыра и похищенную им девушку, несмотря на сопротивление и слезы последней, силой привели в аул-совет, где решалось это дело. Там под угрозой отца она сказала, что ее похитили против ее желания и, как незаконная вторая жена, была возвращена отцу. Но отец на другой же день сам привез ее к мужу, боясь мести последнего и получив, очевидно, обещание получить калым. Последний в таких случаях бывал гораздо меньше обычного.

Все же, несмотря на недостаток культурной работы, среди женщин-джемшидок и хезареек понятие о принципах Советской власти в отношении женщины и ее прав стало уже тогда общеизвестным. Женщины и девушки знали, что по советским законам они должны быть свободны в выборе мужа, но не решались пользоваться своим правом, боясь родителей, родственников, общественного мнения. Случаи отказа выхода замуж за назначенного, но нелюбимого жениха являлись исключением. В одном из таких случаев мне невольно пришлось принять участие. Еще летом 1928 г. пастух Гульмаммад Яя-оглы (джемшид) говорил мне, что его невеста, сосватанная за него еще в детстве, отказывается выходить за него замуж, так как любит другого, а отец ее Амад-Шагал не хочет настаивать.

Зимой 1929 г. ко мне пришел Исмоель-бай, брат Сеид-Батура, в селении которого я жила, и рассказала мне всю историю подробно. Действительно, Робиа, дочь Амад-Шагала, отказывалась наотрез выходить замуж за Гульмаммада, полюбив другого юношу, Мейнедди. В данном случае родители девушки не препятствовали ее желанию, им даже удалось доказать, что Гульмаммад и Робиа — молочные брат и сестра, так как когда мать Робии была больна, Робию кормила грудью мать Гульмаммада. Но ближайшие родственники все восстали против выбора Робии, так как Гульмаммад принадлежал к тому же, что и Робиа, колену фаззуллои рода кохчи, а Мейнедди хотя к этому же роду кохчи, но к колену Убегу. Против невозможности брака между молочными братом и сестрой никто не мог возразить, так как подобные браки не допускались среди джемшидов, но родственники разыскивали для Робии другого жениха из того же колена Фаззуллои, Османа, имевшего сестру, которую и решили выдать за Гульмаммада, чтоб тот не остался без невесты. Робиа же слышать не хотела ни о ком, кроме Мейнедди. Исмоель-бай спросил меня, как нужно сделать по советскому закону. Я ответила, что решение всецело зависит от воли самой девушки и отдавать ее замуж насильно родственники не имеют права. Исмоель-бай, очевидно, послан был ко мне не спрашивать. Через недели полторы после этого разговора ночью меня разбудил стук в дверь. Вошедший Исмоель-бай сказал, что Робиа и Мейнедди бежали этой ночью вдвоем и приехали ко мне искать „защиты Советской власти“. Погоня остановилась недалеко от кишлака Сеид-Батура, так как все знали, что там живет „zane ugüs“ (русская женщина) и продолжать преследование не решилась. Я попросила Исмоель-бая привести беглецов. Мейнедди держался спокойно с достоинством, перепуганная же Робиа вся дрожала от волнения и страха и долго не решалась открыть лицо и говорить со мной. Оба были одеты в праздничную одежду, как подобает случаю, на Робие были одеты „tummune delläk“, свадебные штаны

с пришитыми к ним вязаными белыми носками. Голова Робию свех шелкового покрывала была закутана в темный платок, очевидно, чтобы не привлечь чьего-либо внимания, когда она вышла ночью из своего чаппари. Такая строгость одежды объяснялась безусловно тем, что похищение было подготовлено при участии родителей Робию, иначе она не могла бы так одеться, не возбуждая подозрений. Я успокоила девушку, заверив ее, что никто не посмеет тронуть ее пальцем, если она везде откровенно скажет, что хочет выйти замуж за Мейнедди, так как по советскому закону никого ни выдавать замуж, ни женить насильно нельзя. Родственники пытались жаловаться в аульный совет и в пограничную комендатуру, но, вызванная в последнюю, Робию сказала, что похищение совершенно по ее желанию, и дело было прекращено. Опасаясь мести, молодые остались все же жить в нашем кишлаке.

Хотя случай этот имел несомненное агитационное значение, но полное освобождение женщины от общественного бесправия происходит безусловно только теперь на основе проведенной в Кушкинском районе коллективизации джемшидских хозяйств, когда в колхозах женщина наравне с мужчиной принимает участие в общественно-производительном труде.

Résumé

E. Hafferberg

Les formes du mariage et les rites de noce chez les Djemchides et les Khézaré

La présente étude se base sur les matériaux rassemblés par l'auteur en 1928 et 1929 chez les Djemchides et les Khézaré vivant sur le territoire de l'URSS.

L'introduction est consacrée à la division du travail dans l'élevage du bétail et montre l'éloignement où la femme se trouvait alors de la production, cause de sa position subordonnée dans la famille et dans la société.

L'auteur décrit ensuite les rites de noce, qui comprenaient 3 cycles: 1) les accordailles (kanteş-keni) — accord préliminaire entre les pères du fiancé et de la fiancée et sa célébration; 2) la cérémonie du „fataxuni“, à l'occasion de l'accord conclu entre les pères du fiancé et de la fiancée sur la dimension de la rançon de la fiancée („reşkeş“), qui s'accompagnait d'un régal, de danses et de courses de chevaux. La somme définitive de la rançon était fixée lors du rite nommé „surfae riza“ (nappe de concorde), qui s'effectuait dans la maison de la fiancée trois jours après la „fataxuni“, après quoi la moitié de la rançon était versée et le fiancé pouvait de nuit rendre visite à sa fiancée, ce qui, par respect des convenances, avait lieu en présence de la mère de la fiancée; 3) la noce — „tuj“, qui, comme le „fataxuni“, se célébrait dans la maison de la fiancée, mais aux frais du fiancé, avec festin, danses, chants et courses.

L'auteur indique en passant les différentes formes de mariage existant chez les Djemchides et les Khézaré, soit: le mariage légitime avec paiement de la rançon, le mariage par rapt, le mariage avec une veuve ou une femme divorcée, le

lévirat, le sororat, la polygamie. La question de la rançon de la fiancée, qui constituait une lourde charge pour la population pauvre, est traitée d'une manière assez détaillée.

Pour terminer, l'auteur décrit un épisode heureux de la lutte d'émancipation des femmes djemchides, soutenues par le pouvoir soviétique, et exprime la conviction qu'à l'heure actuelle, grâce à la collectivisation de l'économie rurale, les femmes djemchides et khézaré ont réussi à conquérir leur place dans la production et leur liberté.

